

Адель Лозовская

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Адель Лозовская

Ведьмина Чаша

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2019

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л72

Серия основана в 2011 году
Выпуск 483

Художник
М. Поповский

Лозовская А.

Л72 **Ведьмина Чаша: Роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2969-1

Меня зовут Кайла, и я дракон. Настоящий, с крыльями, хвостом и шипами. Живу я в замке, что в Ведьминой Чаше расположен, в весьма труднодоступном месте, скажу я вам по секрету! Чем я занимаюсь? Похищением принцев и принцесс по воле злобного, жадного мага. Недавно одного принца выкрала практически из-под венца, поставив династический брак под угрозу. А теперь вот маюсь с ним, не знаю, что делать: съесть его или поцеловать? Шустрый попался, заботливый и внимательный. Не хочет, понимаете ли, дожидаться, пока за него выкуп будет заплачен... или будущая супруга с отрядом спасения явится по мою многострадальную душу...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Адель Лозовская, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2969-1

ПРОЛОГ

Для нее все было кончено, и она это знала. Огненные кольца неумолимо сжимались вокруг, легкие горели от едкого дыма, а глаза слезились от голодного пламени.

Спасительная лазейка едва виднелась сквозь плотные потоки агрессивной стихии, но воспользоваться ею девушка не могла.

Там ждал он.

Тот, кто ее предал. Тот, кто разрушил ее дом. Тот, кто разбил ей сердце.

Он внимательно наблюдал за ее мучениями. И ожидал, когда же она переступит через свою гордость и подойдет к нему, позабыв о том, что он сделал.

Шаг, еще шаг и еще один... Она с трудом переставляла ноги, ее шатало и качало в разные стороны, словно она попала в руки опытного кукловода. Только с одной лишь разницей: кукловод не прятался в тени, а молча взирал на происходящее, стоя напротив нее, лицом к лицу.

Она остановилась. Дальше ей путь был заказан. Выпрямила спину и одарила его улыбкой. Снисходительной. Обыденной. Так она ему не улыбалась никогда до этого момента.

Теперь он увидел ее и такой.

Непокоренной.

Несломленной.

Сильной.

Идущей на смерть.

Огонь сомкнулся, и девушки не стало. Под треск падающих деревьев, под хаотичное метание птиц, под плач и крики ее разоренного народа.

Он смотрел и не мог пошевелиться. Не отводил взгляда. Чувствовал, как сердце его лихорадочно бьется и рвется наружу, к ней, а внутри что-то сжимается и намертво скручивается узлом.

Он хотел закричать, но голос его не слушался. Вместо этого он жестом отдал остальным приказ уходить прочь. Он еще не ведал о том, что не в силах будет позабыть эту роковую ночь, печальные глаза любимой и выжженное пепелище как напоминание обо всем.

Он не знал, что случившееся станет являться к нему всякий раз, когда он закроет глаза, и не отпускать до самого рассвета. День за днем. Год за годом.

ГЛАВА 1

Сорок лет спустя

— Стой, недомерок! Куда прешь?! — Здоровенный орк преградил мне дорогу, выставив вперед налитое пивом пузо. Глазки маленькие, лоб массивный, а нос ни дать ни взять настоящая брюква. Интересно, страсть к уродцам у Марлоу семейная или он один такой на свете уродился?

— Туда. — Я указала пальцем на неприметную дверь за спиной верзилы. — У меня там встреча.

— Ага, как же, — зло ощерился недружелюбный здоровяк, схватив меня за шкирку. — Велено никого не пускать, мелюзга. Что ты здесь вынюхиваешь, а?!

И начал меня трясти так, словно я все секреты ношу за пазухой, ей-богу! Почему вчерашний ужин не выбрался наружу, непонятно. Как и то, с каких это пор Марлоу набирает в охранники конченных дебилов и недоумков. Я даже кольцо показала фамильное, с печаткой, наивная душа! Ничего не изменилось, ни-че-го! Все так же мои ботиночки не касались пола, а зеленая морда орка продолжала нагло улыбаться и скалиться.

И в какой-то момент мне надоело его столь бесцеремонное поведение. Не для того я жизнь прожила, чтобы она тут внезапно закончилась. Вон даже вместо окружающего мира у меня перед глазами черные пятна, большущие такие, как порции блюд для знати. Пора пресечь столь неподобающее обращение с юной и прекрасной дамой! Иначе когда явится Марлоу, ему придется прятать два тела: одно — мое, а второе — этого тупицы!

Последний не подозревал о надвигающейся на него опасности и решил обдать меня своим зловонным дыханием, мол, тогда я точно покаюсь во всех мелких делишках и прегрешениях. Ага, конечно, держи карман шире!

Притянув меня к той самой не понравившейся мне в самом начале знакомства «брюкве», орк явно не ожидал получить пальцами в оба своих свинячьих глаза.

Как он орал, как он орал! Я чуть не оглохла от рева, переходящего в слабое поскуливание и визжание.

Да, неприятно, да, ничего не видно, но ты же мужчина, терпи!

Мышкой проشمыгнув мимо пострадавшего стража, я не смогла удержаться от соблазна и от всей души наступила ему пяткой на пальцы.

У меня хорошие металлические набойки, которыми при желании не составит особого труда раскрошить камень посреди сельской дороги. Все зависит от цены и настроения.

Орку моя обувка тоже понравилась. Сразу забыл про глаза и схватился за пострадавшую ногу.

Отчаянно прыгая на одной здоровой конечности, он с новой силой оповестил собравшихся в таверне о проблемах незадачливого верзилы, которого природа явно обделила светлой головой, зато щедро наградила умением находить неприятности на ровном месте.

Посчитав себя полностью отомщенной, я коснулась металлической ручки, чувствуя, как охранные чары оплетают руку, словно маленькие змеи с ядовитыми зубами незадачливую жертву, сунувшуюся по глупости в логово ползучих гадов. Каждый раз подобная процедура меня изрядно нервировала, поскольку ощущения были, мягко говоря, далекими от удовольствия. Холодные склизкие нити, от действия которых ладони еще долго придется отогревать в теплой воде... Брр! Ненавижу Марлоу!

Замок с тихим щелчком открылся, и я оказалась внутри. Ну, здравствуй, родная комната! Жаль, что я бываю в ней так редко...

Марлоу явился спустя два часа после моего общения с его подчиненным. За это время я успела смыть с себя дорожную пыль, крупы недружелюбной магии и съесть приготовленный Снедькой ужин. Вот только ради ее стряпни и стоило приходить к этому старому заносчивому типу с повадками матерого тюремщика-садиста.

Внешне Марлоу напоминал хомьяка-переростка, чудом выжившего из лаборатории безумного чернокнижника и почему-то оставшегося в живых. Выпирающий живот (правда, чуть меньше, чем у того злобного орка!), наливные щеки-яблочки, куцая рыжеватая борода и темные, торчащие дыбом брови, которые явно намекали на его подопытное прошлое. А привычка жевать какую-нибудь гадость усиливала сходство с вышеупомянутым зверьком.

Окинув меня долгим тяжелым взглядом, словно пытаюсь прожечь во мне дыру, Марлоу неспешно взгромоздился на стул с высокими ножками и поставил на стол небольшой кувшинчик.

На самом дне стеклянной тары сидел уменьшенный Малик, страж закрытого от посторонних глаз этажа таверны. Он обхватил голову руками и раскачивался из стороны в сторону, будто пытался сбросить оковы свалившихся на него неприятностей. А заодно и колдовство не прощающего ошибок мага.

— Этот гаденыш оставил свой пост. — Голос у Марлоу значительно отличался от его внешности, мягкой и простоватой. Шипящий, пробирающий до костей, лишенный малейшего проявления тепла. Под стать тем мерзким охранным чарам. — Попросил знакомого тролля приглядеть за этажом, а сам помчался к жене, мол, рожает она. Он послушался моего приказа и теперь должен понести заслуженное наказание. Он твой.

Взяв в руки тюрьму Малика, я задумалась над тем, как лучше поступить в сложившейся ситуации.

Для гоблина нет ничего дороже семьи. А не явиться на такое событие, как появление долгожданных детей, считается допустимым, только лишь если идет война или будущий отец семейства ушел в мир мертвых. Я плохо знаю традиции степ-

ного народа, но точно помню, что когда малыш появляется на свет, то его первым должен взять на руки именно отец, тем самым укрепляя связь между ним, ребенком и родом.

Так что мотивы Малика мне были весьма понятны. И на его месте я поступила бы точно так же. Его затея могла бы сработать, выбери он кого-нибудь другого в сообщники. Ведь недаром у ростовщиков есть поговорка: хочешь испортить дело — возьми в долю тролля!

— Расколдуйте его. — Я вернула кувшин на место, не сводя глаз с мага. Когда ты не смотришь на собеседника, ты его либо боишься, либо не уважаешь. Этот первый урок от Марлоу я не забуду никогда. — Отдайте ему половину моей доли и пообещайте не преследовать. Пусть возвращается к семье.

Марлоу засопел. Он не привык к тому, чтобы ему ставили условия. Ожидал, что начну измываться над Маликом? Не дождется!

— Награждать того, кто сделал тебе больно, глупо, Кайла. Не этому я тебя учил.

— Больно? — не смогла удержаться я и громко расхохоталась. Думаю, не выстави Марлоу полог тишины, трапезничающий внизу народ меня бы непременно услышал. — Благодаря Малику я впервые увидела тролля, теперь буду знать, чем они от орков отличаются. И не растерялась, смогла за себя постоять. Следуя вашей логике, он достоин награды, а никак не наказания. Ведь я получила бесценный опыт, который мне точно пригодится, будьте уверены!

Теперь задумался Марлоу, запустив не знавшие тяжелого труда руки в признак мужественности на лице — в бороду. Всякий раз, когда маг так делал, он будто отгораживался от всего мира и уходил туда, где мог осмыслить услышанное. И всякий раз я ловила себя на мысли, что одна попытка может увенчаться успехом. И всякий раз гнала ее прочь. Мне теперь есть что терять!

— Хорошо, будь по-твоему. — Марлоу перестал терзать скудную бороду и щелкнул пальцами.

С легким хлопком передо мной возник свиток. Ох уж эти излюбленные театральные приемы мага... Я едва заметно поморщилась, одним рывком убрала перевязывающую пергамент нитку и развернула его. Так вот ты какое, новое задание!

— Его зовут Киммер, он единственный отпрыск Трогда Свирепого, короля Элирии. Два дня назад он прибыл в столицу Сарии для заключения династического брака с принцессой. Пробудет он там примерно дней десять, но времени у нас с тобой мало. А вернее, его фактически нет. Завтра вечером принц должен быть в логове.

Я с плохо скрываемым скепсисом уставилась на Марлоу:

— Это самоубийство. Идти на дело без осмотра территории, без проработанного плана и путей к отступлению! Да проще прыгнуть с обрыва в бурлящую реку, надеясь на благополучный исход, и то шансов будет больше!

— Кайла, Кайла, Кайла... — Маг зацокал языком, как прежде в детстве, когда отчитывал меня за какие-то незначительные шалости. Если бы я серьезно в чем-то провинилась, тон был бы другой. И наказание — тоже. — Мы не первый год с тобой работаем, так почему же ты так уверена в том, что у меня нет плана?..

Сон не шел. Видимо, сегодня я в немилости.

Понимаю, что нужно набраться сил перед похищением, а уснуть не могу.

Сделала себе теплое гнездышко из одеялка, подушку положила поудобней, даже ворон принялась считать — ничего не помогало. Подозреваю, что не суждено мне пребывать до утра в том сладком спокойствии, что непременно прервется лишь криком петуха.

Возможно, причина крылась в плане Марлоу. Мне он не нравился. Категорически. Слишком гладко все выходило. Прокрасться в сад, разобраться с охраной и забрать принца. Магов бояться не стоит, среди них есть тот, кто заинтересован в благополучном исходе дела. Да еще и пузырьки мне дали с зельем особым. Как объяснил Марлоу — чтобы не потерять

Киммера, даже если он надумает укрыться во дворце, за крепкими стенами, среди потайных ходов и запутанных казематов. На самый крайний случай, если что-то пойдет не так...

Вскоре мне надоело лежать и размышлять в полной темноте. Зажгла свечу и развернула пергамент с портретом принца Киммера, впиваясь взглядом в начертанные неведомым художником линии. Хорош он, наследник престола Элирии, хорош!

Если бы мне сказали, что Киммер — принц, никогда бы не поверила. Уж слишком мужественное у него лицо, конечно же с явным отпечатком принадлежности к знати, но нет той жеманности и смазливости, что присуща венценосным особам королевского рода.

А таких экземпляров я по долгу «службы» повидала немало.

Четверых, если мне память не изменяет.

Впечатление они оставили крайне неприятное. Подумаешь, похитили их, в темницу посадили, кормят не разносолами всякими, но добротню ведь и сытно, как в духовных семинариях, разве это повод впасть в истерику и выть сутки напролет?! Да, не перина пуховая, зато мягкий льняной матрас, набитый полезными сушеными травами, что весьма укрепляет здоровье и улучшает настроение. Я сама на таком сплю, между прочим, и не жалуясь.

А сколько трудов стоило собрать эти самые травки по горам, по лесам да по берегам озер, высушить бережно и сложить в правильных пропорциях, дабы не потерять полезного свойства каждой, благородные отпрыски знают? Сомневаюсь! Иначе бы не рвали приготовленные специально для них спальные принадлежности с таким остервенением.

И хамят, главное, хамят! Будто я виновата в том, что они за решеткой сидят, павлины недобитые. Крылья вытянули, хвост распушили и ходят из угла в угол. Туда-сюда, туда-сюда. И словечки свои гнусные твердят, от которых мерзко так становится да на душе обидно за честь девичью, оклеветанную. Не давала я им повода обвинять меня в том, что я и близ-

ко не делала. А они все говорят и говорят, придумывая новые подробности того, чего не было...

Через день, правда, одумываются, прощение просят, ласкаться и светятся фальшивыми улыбками. Только я им не верю. Разговоры не поддерживаю и свожу общение к минимуму. Жду, когда деньги будут заплачены, и возвращаю любимых деток к заботливым мамам и папам.

С принцессами, кстати, проще, потому как обычно надеются они на рыцарей своих, что на белом коне прискачут да спасут, вот и не шумят особо, не скандалят, сидят себе на матрасе, гадая, каким же он будет, тот нежный красавчик, закованный в броню с ног до головы. С ними и поговорить можно, про искусство там, туфельки разные, платьица всякие, иногда про страны заморские, в которых они побывали в качестве потенциальных невест.

Финал всегда закономерен: Марлоу получает щедрый выкуп в размере стоимости небольшой флотилии, и благородные детки дальше спят спокойно, видя розовые сны в таких же розовых кроватках. А позже все повторяется, только с другими принцессами и принцами. И конечно, не обходится без меня, но сегодня я точно не сомкну усталых очей. Прогуляться, что ли?

Одевалась я быстро. Накинула плащ с капюшоном, что скрывал мое лицо от чужих глаз, нацепила кастет на левую руку и, естественно, не забыла про любимые ботиночки. У самого выхода закинула на плечо весьма увесистый мешок, оставленный Маликом в качестве признания моих заслуг по спасению его шкуры, и поспешила на свежий воздух.

Гоблин не поскупился. Тяжесть приятно давила на спину, а я осторожно скользила по узким улочкам города, стараясь не наступать на расплесканные по мостовой помои. Осторожно перемещаясь от дома к дому, я пыталась не звенеть набойками и прислушивалась к каждому шороху.

Изредка мне попадались слегка подвыпившие эльфы, чинно ведущие надменных жен домой, или поддатые гномы, ору-

щие похабные песенки на всю округу под звон бутылок, но апогеем всего стали три пьяные в стельку ведьмы.

Одна из них уверенно декламировала стихи неизвестного мне поэта и топала в туманную даль, высоко задирая ноги, словно на параде. Вторая ведьма тащила на себе третью, точнее, тянула ту за ногу и что-то шипела первой в ответ. Чистящая спиной и затылком мостовую ведьма бурчала нечто невразумительное, скорее всего, страшные проклятия, поскольку деревья за ней покрывались желтизной, а с неба падали тушки ворон.

Озаренные лунным светом представительницы магического искусства степенно и чинно (насколько позволяла ситуация!) проследовали в самую гущу белой дымки, возникшей на их пути. Как только бурчание их перестало разноситься по улице, неплотные клубы тумана сначала сомкнулись за тремя ведьмами, словно кладбищенские ворота за похоронной процессией, а затем разошлись в стороны, падая нелепыми ключьями вниз и оседая на укрытой камнем земле.

Вырвавшееся из объятий туч ночное светило снова решило попасть в их сладкий плен, погрузив каменные постройки во мрак и тишину. Я плотнее закуталась в плащ, надеясь, что он поможет избавиться от пробравшего тело холода. Только что передо мной прошла «бунтующая троица», чье появление неизменно приносило тяжелые испытания всякому, кто их увидел. Призрачное шествие, длящееся не один век и успевшее стать городской легендой, неожиданно возникающее и бесследно исчезающее. Даже немного лестно, что я стала свидетелем такого представления!

С недобрыми мыслями я добралась до старой полуразрушенной арки, спрятанной от перекрестка двух дорог силой многолетних дубов и ясеней, встала лицом к едва виднеющемуся потрепанному указателю и закрыла глаза.

Стоящая под сенью деревьев девушка исчезла, будто ее тут и не было. Только оставшиеся на земле следы от обуви напоминали о том, что она здесь стояла.

ГЛАВА 2

Киммеру прогулка не нравилась. Как и сад. Как и лакей, умудрившийся его ранить. Как и принцесса, назойливо давящая на мозги своей придворной болтовней и правилами этикета.

И голос такой... противный, с визгливыми нотками, которые похожи на орудие пытки, могущее лишить спокойной жизни. Хотя нет! Спокойная жизнь и так осталась в прошлом, настали яркие и красочные будни супружеского союза, столь важного для Элирии и Сарии. Ради процветания родной страны придется надеть на себя этот хомут. И при этом еще улыбаться, шутить и смотреть на принцессу глазами полными неги и любви. Но, увы, последнее он дать никак не мог!

Нельзя сказать, что принцесса не была хороша собой. Киммер видел ее портрет (явно приукрашенный, но ведь так делают абсолютно все!), и ее внешность отторжения у него не вызвала. После официальной части преставления будущих супругов принц уточнил у Бирха, личного мага Трогда Свирепого, что там с лицом его суженой, и получил ответ, мол, разница между оригиналом и портретом не сильно-то и бросается в глаза. Любитесь и лобызайтесь, ваше будущее величество, на здоровье да с полной отдачей сему естественному процессу!

Сам остряк-самоучка на прогулку не пошел, сославшись на слабость желудка и невозможность отдаляться от отхожего места. Поэтому Киммера и принцессу сопровождал только сарийский маг, чьи рыбы глаза равнодушно скользили по ухоженным кустам сада да по фигуркам писающих мальчиков, выполненных в мраморе.

Этот колдун смахивал на трость, завернутую в почерневшую кожу, набалдашник которой был абсолютно гол, ни единой царапины или вмятины. Одетый в черный сюртук и наделенный желтоватыми зубами и длинными ногтями, маг в то же время напоминал разбуженного вурдалака, которого силком выдернули из уютного склепа ради знакомства с много-

численными родственниками. Для себя принц так и не смог решить, какой из двух вариантов сравнения ему больше нравится.

— О, милый Киммер. — Принцессе надоело говорить о статуях, лавочках и цветочках, и она решила сменить тему, дабы узнать жениха поближе. — Почему вы все время в перчатках? Разве вам не жарко? Или вы считаете, что к будущей супруге и прикасаться нельзя? Это не более чем предрассудки, мой дорогой принц!

— Не все так просто, моя дорогая. — Принц обезоруживающе сверкнул зубами, продолжая чинно вести невесту под локоть. — По старой традиции моего народа за двенадцать дней до бракосочетания мужчина начинает ухаживать за своими руками, дабы избранница его смогла ощутить на брачном ложе ту спелую нежность, что переполняет его сердце...

— Ах, Киммер, как это романтично! — Принцесса остановилась, а вместе с ней и вся разномастная процессия. — Мне еще никто и никогда не говорил таких красивых слов!

Принц усомнился в искренности ее признания, справедливо считая, что в поклонниках у высокородной дамы числились люди (а может быть, и нелюди, история-то темная!), владеющие ораторским искусством намного лучше, чем он. Однако упрекать в чем-то девушку, ответившую любезностью на любезность, когда у самого рыльце в пушку, глупо, не правда ли?

Принцесса потупилась, прижав руки к своей полной груди, и недвусмысленно потянулась к Киммеру, легонько прижавшись на носочки.

Принц опешил.

Целоваться с принцессой он планировал не раньше, чем жрец, который будет проводить церемонию в Храме чувств, потребует полного соблюдения древнего ритуала, за которым принц, собственно, и прибыл в Сарию! Сейчас же Киммер не видел смысла обмениваться «флюидами любви» на публике, которая настолько жаждала зрелищ, что переключила внимание с безобидных обитателей сада на венценосных особ враж-

дующих государств. Они хотели представления, и они его получили в полной мере!

Ища спасительный выход из сложившейся ситуации, Киммер недолго думая обнял льнущую к нему девушку и закружил в танце, напевая веселую песенку пастуха, у которого дождливый вечер стал удачным: к нему вернулась блудная овца, и оттого он счастлив!

Принц так увлекся, что не замечал ничего вокруг.

А посмотреть было на что!

Первым это увидел неприятный Киммеру лакей, нашедший в себе силы оторваться от сего непотребства. С раскрытым ртом он наблюдал за тем, как из темной части сада на свет появляется нечто рогатое и шипастое, отдаленно напоминающее дракона из детских сказок.

Оно в мгновение ока преодолело расстояние, отделяющее его от добычи, и без лишних сантиментов отбросило лапой одного стражника, сбilo хвостом второго и плюнуло огнем в сарийского мага, успевшего в последний момент прыгнуть в ближайший фонтан. Не сумевший спрятаться от пламени один из писающих мальчиков стойко принял удар на себя, став похожим на оплывшую восковую свечу.

С кошачьей грацией неведомый зверь приблизился к венценосной парочке, напрочь игнорируя стоящего с открытым ртом лакея. Тот не обиделся на подобное к своей персоне отношение, решив последовать бравому примеру стражников и мага, издающего неясные звуки на дне фонтана.

Лакей упал без чувств, выпущенная из объятий (или отпущенная на свободу?) принцесса рухнула рядом, а Киммер уставился в бесстыжие глаза дракона, с ходу поприветствовав неожиданного гостя кулаком в нос.

Животное полученный удар оценило и обиделось.

Впрочем, ненадолго.

Щеки его расперло от дыма, коим оно щедро поделилось с зарвавшимся принцем.

Окутанный с ног до головы черным маревом Киммер почувствовал, что теряет сознание. Его ноги сами собой подко-

сились, он начал падать в неясную тьму и точно бы вскоре валялся рядом с принцессой и лакеем, если бы у дракона не было других планов на его счет.

Зверь заключил неспособного сопротивляться принца в капкан из лап, на ходу взлетая над садом.

Взмыв в бескрайнюю синь неба, дракон с удивлением ощутил, как что-то небольшое и холодное протаранило бок. Легкая боль и досада заполнили сознание дракона, сформировав в нем наиболее привлекательный образ мести. Тот, который будут помнить долго!

Маг тяжело дышал. Одежда прилипла к телу, с головы стекали капельки воды, а в кончиках пальцев приятно пульсировала слабость после сотворенного волшебства. Колдун с нескрываемым удовольствием вылез из недр временной тюрьмы, на ходу вспоминая заклятие сушки белья.

Когда же он обратил свои очи к небу, то с ужасом увидел, как фигура дракона становится все ближе и ближе...

Вот лечу я себе и не верю, что задуманное удалось. И прошло практически без сучка и задоринки, что вообще удивительно. Если бы не мерзкий и противный дворцовый маг, сумевший достать меня своим колдовством на излете, то точно бы и описалась от радости.

А так пришлось совершить нечто иное, задуманное в отместку за пульсирующую боль в боку. Надеюсь, сариец оценил мой жест, а вместе с ним и весь придворный люд.

Амбре моей победы не выветрить ни одним заклинанием, проверено экспериментальным путем! Сколько вещей выбросил Марлоу, даже страшно себе представить! А бесконечные попытки их спасти?! Как вспомню, так губы сами собой непроизвольно разъезжаются в ухмылке. Главное, не увлечься воспоминаниями и контроль над телом не потерять. Иначе плакали наши денежки, не так ли, Киммер?

Сам принц безмятежно спит в моих цепких лапах и наверняка не представляет, что его венценосная персона парит над

кучерявыми облаками и сельскими домами. Я даже на него совсем не злюсь. Ну так, немного, самую капельку...

Удар по носу вышел у него знатным. Едва не разревелась в том саду, да слез впустую расходовать жалко. Гарконаш утверждает, что они целебные, обладают интересными свойствами и при должном умении можно даже зелья полезные наварить. Для себя там или просто на продажу. Попытка, конечно, не пытка, но я боюсь заниматься подобным, вдруг спалю все на радость темным богам! Ведьмовского во мне нет, способностями к магии я не обладаю, но проявления ее чувю, что выручало в жизни, само собой.

Если тоска или жалость к себе накатят так, что охота лезть на стенку, то я обычно беру пустой кувшин и заливаю его доверху. Нечего добру понапрасну пропадать. Драконьи слезы не портятся, Гарконаш полностью уверен в данном тезисе.

Хорошо, что регенерация у меня быстрая. Когда долетим до логова, то и следа от рукоприкладства принца не останется. Интересно, он в полную силу бил?

Должен был в полную. Такая страхолюдина пред ним предстала, как в обморок не бухнулся, не понимаю.

Размером я примерно с двух породистых лошадей, что в ширину, что в длину. Четыре лапы, рога на башке, хвост длинный, на конце его — жало, как копьё у воина. Острое и начищенное до блеска, и такое же небезопасное.

Когти как бритва и зубы в два ряда — все же не самые страшные части моего драконьего тела. Вот выступающие по всему хребту иглы-шипы выглядят куда ужаснее. А про свою красно-черную шкуру я вообще молчу. У меня даже зрачки звериные подобной расцветки. Глаза могут запросто в темноте светиться... Брр, зрелище не для слабонервных!

Природе не нужен был мирный житель или тихий разведчик на службе у короля. Ей понадобился бесстрашный убийца, чей вид будет внушать трепет, отчаяние и страх. И которому не составит особого труда воплотить в реальность всепоглощающий ужас в глазах жертв...

Я ненавижу Марлоу. Если бы могла, то давно бы от него сбежала, и ноги моей не было бы рядом с отпрысками венценосных особ. Но кое за что я ему благодарна. Мы не участвуем в разбоях, не проливаем невинную кровь ради золота и держимся в стороне от войн, битв и территориальных конфликтов.

Только похищения. Да и то лишь тех, кто точно не обеднеет. И развеет пеплом девичьи мечты о прекрасных принцах и принцессах.

Киммер пока не преуспел в столь неблагородном деле. Спит себе да в ус не дует, как весело мне было полчаса назад. Ах, какие кульбиты он вытворял — и даже не знает об этом, бедненький!

На нас напали гарпии. Небольшая стайка из шести крикливых особей, нахальных по своей природе и одуревших от голода, рискнула урвать у меня Киммера. Их не смутил ни мой грозный вид, ни пара огненных залпов. Эту разношерстную кодлу априори смутить невозможно.

Подумаешь, дракон огрызается и рычит! Добыча-то у него какая, до-бы-ча! Сочная и вкусная, да еще и оглушенная, что добавляет ей ценности. Налететь всем скопом, быстренько забрать вкусненькое да поделить между собой не поровну. А дракон пусть радуется, что живым ушел да невредимым! Он большой, еду себе быстро найдет...

Пришлось уворачиваться от этих мелких воришек, а с моими габаритами сотворить подобное весьма проблематично. Уходила то вверх, то вниз, то кувырок пришлось делать. Огнем нещадно поливала, да вот попасть так и не могла — уж больно шустрая нечисть оказалась, аж в глазах рябило от нее. Как не потеряла Киммера в таком беспорядке, до сих пор не понимаю. А он все спит и спит, горе отцовское и радость Марлоу. Хорошую я травку этой осенью собрала, ядреную! Жаль, что дым мой уже ее не содержит, выветрилась вся. Иначе бы я быстро устроила здесь сонное царство.

Спас нас грифон.

В очередной раз я промахнулась, и огненный плевок улетел мимо злобных мелких паразитов, атакующих меня с разных сторон. Но зато попала аккурат в зазевавшегося грифона, напрочь лишённого инстинкта самосохранения.

Запахло паленой шерстью. Гарпии меня откровенно достали, поэтому пламени я не жалела и била пусть не прицельно, но сильно.

Познакомившийся с моим огнем грифон камнем полетел вниз, увлекая за собой плотоядную мелкоту, которая здраво прикинула, что лучше прожаренное мясо сейчас, чем неясные перспективы потом. Радостно пискнув, гарпии помчались за новой добычей. А за ними вдогонку полетела я.

Теперь преимущество было на моей стороне. Меня жег изнутри инстинкт охотника, но и скребущая сердце совесть. Грифон пострадал ни за что!

Разумеется, всю ответственность за случившееся я с себя не снимала, но мозги в орлиной голове должны быть?! Зачем лезть туда, где можно лишиться жизни? Или гарпиям решил помочь, киса недобитая? Ничего, позже это выясню, главное, в живых останься, грифончик!

Первым до пернатого спасителя добралась я, спасибо сильным крыльям и размеру. Успела схватить грифона задними лапами, развернуться и дохнуть огнем в обнаглевших тварей. Четырех спалила тут же, благо позиция вышла убойная: все гарпии рядом, крови жаждут, о большем-то и не думают.

Одну подранила, но не смертельно, так, зацепила слегка. Шестая боевая единица приставучей нежити сумела смыться от меня в целости и сохранности, напоследок обозвав плохими словами на своем диалекте.

Догонять их я не стала. Пусть доживают.

Ведь что такое гарпии по сути своей? Игрушки некромантов, в один миг ставшие ненужными своим хозяевам. Вечно злые и голодные, и, само собой, мертвые. Существуют недолго, пока скрепляющее заклятие держится. Как только магическая нить подпитки исчезает, связи между элементами конструкции рвутся и тело рассыпается на рваные куски. Довелось

мне увидеть сей процесс в действии. Мерзкое зрелище, отбивающее всякое желание смотреть на подобное еще раз.

Грифон слегка пошевелился в моих лапах, слабым курлыканьем жалуясь на потрепанную кожу и судьбу. Живой, значит, тогда терпи. Недолго до логова осталось...

Сначала я осторожно положила подпаленную недоптицу-недолбья на каменные плиты, затем проделала подобную операцию с Киммером, после чего без сил рухнула на пол. Какое блаженство!

Тяжело вот так неспешно приземляться после долгого и изнурительного полета. Приходится зависать на одном месте и неистово работать крыльями, дабы добиться нежной и плавной посадки. Не иди я на такие жертвы, мои вынужденные спутники на своей коже ощутили бы всю прелесть каменных полов логова Марлоу, доставшегося ему в наследство от покойных родителей.

И самое обидное, что они (спутники, не родители мага!) вряд ли узнают о моем подвиге. Киммер так и не удосужился проснуться, а состояние грифона не позволяло ему бодрствовать и радоваться вечеру.

Надвигающиеся сумерки заставили меня подняться с каменных плит и приступить к возвращению человеческого облика. Крайне неприятная процедура, которую придется провести бесшумно. Не хочу, чтобы обитатели логова прибежали меня встречать!

Голова взрывается болью, тело не отстаёт от нее ни на йоту, а я чувствую, как крылья втягиваются в лопатки под агонизирующие сотрясения хвоста. Крик застыл в горле, и я сильнее смыкаю остатки пасти, не давая реву вырваться наружу. Обычно перевоплощение длится не более минуты, обратный отсчет я уже начала.

Именно он не дает мне сойти с ума во время изменений моего тела.

В этот раз я вернулась быстро. В гулкой тишине прогремела цифра сорок шесть, и холод коснулся обнаженной спины,

ставшей слишком чувствительной после перехода. Жалобно поскуливая, я тихонько лежала и ждала, когда зрение и слух вернутся и я смогу встать. Как только тьма перестала меня обнимать со всех сторон, я предприняла попытку оказаться на ногах. С третьего раза мне это удалось.

Нетвердой походкой я подошла к колодцу и под скрип работающего механизма отчаянно смотрела на свое нечеткое отражение в поднимающемся из глубины ведрке воды. В зеркале я с затаенной радостью увидела привычные черты, в моей внешности изменений не было. Все то же скуластое лицо, небольшой нос с горбинкой, маленькие ушки и черные глаза. Брови цвета смолы хвойных деревьев и такие же волосы, спадающие на лоб неровной челкой. Мое прежний вид... Как же я по нему скучала!

Схватив долгожданное ведрко, я с жадностью припала к металлическому ободу и пила, пила ледяную воду так, будто от нее зависело мое существование в этом мире. Часть живой влаги попала на лоб, текла по щекам и спускалась по груди на живот, а оттуда заструилась по ногам.

Для меня это было нечто вроде ритуала, свидетельствующего об окончании пребывания в шкуре дракона и появлении в логове Кайлы, которую здесь знали, любили и уважали.

Всякий раз, когда я возвращалась в замок с трофеем после грязных делишек Марлоу, то первым делом испивала чарующей силы подземного источника, знаменуя тем самым удачный исход замысла нашего преступного синдиката.

Иногда мне даже казалось, будто вместе с ледяной водой я выпиваю ту самую Кайлу, которую оставила в логове себя дожидаться. О подобных метаморфозах сознания никто не знал. Ни Марлоу, что закономерно, ни Гарконаш, что странно. С ним я делилась всем.

Тащить на себе Киммера я не собиралась в принципе. Это в драконьей ипостаси для меня он легкий как пушинка, а для человеческих плеч — весьма ощутимый груз. Для переправки бесчувственных тел принцев и принцесс в теплую и надежную темницу у меня припасена тачка. Заговоренная, крепко

сбитая трехколесная деревянная «каре́та», на которую я потратила уйму сил и времени, пока не нашла мастера, способного сотворить подобную вещь, и не уговорила Марлоу напитать ее необходимыми заклинаниями, дабы она не гнила и могла выдерживать большой груз.

Аргументом для мага послужили могучие тела принцев (да и принцессы порой попадались выдающихся форм!), на фоне которых мои размеры казались весьма скромными и миниатюрными. И пусть в жилах моих текла драконья кровь, надрываться просто так я не хотела. Погрузить в тачку — пожалуйста. А отдать душу в попытке донести дурно пахнущую духами и дорогим вином королевскую персону — нет уж, дудки!

Думаю, Киммер оценил мою предусмотрительность, лежа на дне тачки. Он свернулся калачиком и подложил под голову руку, вдыхая аромат свежеспиленной древесины. Умиротворенный и расслабленный, чем-то напоминающий беззащитного ребенка. Интересно, в кого он превратится, когда узнает, где оказался?

Перемещение принца с застеленного покрывалом дна тачки на набитый травами мешок заняло несколько секунд. Привычная манипуляция, выработанная годами практики, как сказал бы Гарконаш. Напоследок я укрыла его одеялом, ведь ночи бывают холодными. Подула на магический уголь, корзины с которым были расставлены в каждом углу, и закрыла металлическую решетку на замок, противно скрежетнув в нем ключом.

Вот и все, принц Элирии! Начинается твое недолгое пребывание в логове, надеюсь, тебе здесь понравится...

Что же делать с грифоном? Как Киммера я его не доволю, не настолько я сильна, чтобы в одиночку поднять пернатую кошку размером с небольшую лошадь. Да и куда мне тащить несчастного? В темницу? Грифон там не поместится! А если бы и поместился, то где гарантии, что он не захочет сожрать Киммера для поддержания сил? Грифоны не бабочка-

ми питаются, видела я однажды их заостренные клювы в действии...

С такими невеселыми мыслями я пошла к тому месту, где оставила грифона, благо темница располагалась рядом и идти было недалеко.

Я с ужасом увидела, что грифон пришел в себя. Встал на все четыре лапы и абсолютно черными глазами смотрел на меня немигающим взглядом без намека на эмоции. Подозреваю, что именно с таким выражением морды он и разделявает тушки незадачливых зверьков, ставших его законной добычей.

Красивый... Несмотря на следы моего пламени, изрядно подпортившего его оперение. Грозный и свирепый хищник, чьи пострадавшие крылья сложены за спиной, а пушистая кисточка хвоста слегка вздрагивает от напряжения.

— Ты меня извини, пернатый, что так вышло. — Мой голос звучал глухо и сипло — еще не пришел в норму после луженой драконьей глотки. — Не хотела я тебя ранить, в других целилась. Спас ты нас, без тебя худо бы пришлось. Обещаю, что вылечу тебя и в беде не брошу, если таковая вдруг случится. Только не губи, прошу, мне еще ребенка на ноги подымать.

Зажмурилась и протянула вперед руку. Будь что будет. Кричать бесполезно, не успеют грифона оттащить от меня. Одна надежда, что извинения приняты и он не жаждет крови. А свои обещания я сдержу, пусть не сомневается.

Слышу, как скребутся тяжелые острые когти по плитам, как воздух вокруг меня сгущается и становится тверже. Не подаю виду, что страх с каждым звуком проникает все глубже и глубже.

Жду.

Чувствую, как в выставленную вперед ладонь уткнулась морда грифона, как мои пальцы уперлись в мягкие перья, а запястий коснулся окостенелый клюв зверя.

С шумом выдохнула. Получается, доверяет мне грифон, понимает, что не выживет без моей помощи. Как не выжил бы Киммер в том небе. И я на земле, когда Марлоу узнал бы о провале.

— Пойдем, пернатый, есть для тебя у меня пристанище. Оно тихое и надежное, тебе точно понравится.

Привела грифона к старой конюшне, в которой не было сейчас ни одной лошади. Просторное помещение, в котором я сушила травы, размещая их по длинным стойлам или подвешивая вязанки к самому потолку. Сейчас там лежало сено, мягкое и душистое, заготовленное мною впрок на зиму.

Издав тихий радостный клекот, грифон запрыгнул в ближайший стог и быстро зарылся в него с головой. Лишь мерное вздрагивание сена выдавало присутствие незваного гостя.

Я не стала закрывать двери конюшни. Пусть грифон видит, что никто и ничто не препятствует его свободе. Захочет — уйдет. Неволить не стану.

Подъем по винтовой лестнице неожиданно стал для меня долгим и монотонным, как сказки перед сном от Гарконаша. Зашла в любимую комнату, прилегла на дивно пахнущий матрас и тотчас уснула. Во сне мне было все равно, что я не закрыла дверь в свои покои и пребываю на самом удобном лежаке на свете в обнаженном виде.

ГЛАВА 3

Киммер резко проснулся. Ощущения были такими, словно его выдернули из привычной среды, как рыбку из пруда. Раз — и он уже в другом месте, а о прошлой жизни напоминают лишь чешуя да стекающие по хвосту капли. В случае принца — нарядный камзол да начищенные до блеска сапоги, отдаленно напоминающие солдатские.

И никого рядом нет.

Тишина.

Пустота.

Темно так, что и пальцев не видно, как к глазам их ни подноси.

Киммер залез в карманы камзола. Удивительно, но никто не заинтересовался вещами принца, оставив их ему. Как и

одежду, за которую можно выручить неплохие деньги. Странный какой-то похититель...

Встав, принц осторожно, на ощупь побрел вперед. Его немного штормило после продолжительного сна, да и смысла геройствовать Киммер не видел. Он верил, что возможность проявить себя появится позже.

Неожиданно принц уперся в металлическую решетку, и клетку огласил радостный громкий гул.

Киммер прислушался, ожидая, что сейчас явится его похититель, но таинственный незнакомец не спешил, и темнота вновь наливалась тишиной, как щеки Бирха краской после официального приема в сарийском дворце.

Не дождавшись неприятного знакомства с тюремщиком и не тратя более свое драгоценное время на ненужные ожидания, принц достал маленький камушек из правого кармана и поднес его к решетке.

Помещение озарилось тускловатым белым светом, бьющим в разные стороны из диковинной штуки в руках Киммера.

Принц потер глаза, вмиг заболевшие от долгого пребывания в темноте, а вместе с болью он с удовольствием ощутил, как сковывающие цепи старушки-вялости постепенно растворяются во мгле наступивших сумерек.

Сильнее сжав в кулаке камушек, гладкий и круглый, как голова Бирха, Киммер неспешно провел им по решетке, любясь неизменным цветом индикатора магии.

Закончив исследовать проржавевшие прутья, пленник приступил к самой волнительной части — к замку.

К безграничной радости принца, камушек все так же разбавлял образовавшуюся тьму белым огоньком, давая надежду на спасение.

— Получается, на тебе только чары, гасящие магию. Умно, умно... — прошептал принц, прикасаясь к замку. — А что ты скажешь на это?

Киммер коснулся мягкого ворота камзола и достал из него отмычку, припасенную им на тот случай, если худшие времена изволят наступить в самый неподходящий для этого час.

И начался долгий диалог, в котором Киммер отчаянно убеждал неодушевленного тюремщика, приводил аргументы и доводы в свою пользу, мол, стоит отпустить несчастного пленника на свободу, дабы он вновь увидел теплое солнце Элирии, ее вернувшееся величие и легкую печаль по былому. А суровый страж темницы отвечал непреклонным отказом, не желая отступать от своих железных принципов ради каких-то принцев и неизвестной ему страны.

Однако сопротивление замка с каждым миллиметром уменьшалось и вскоре совсем прекратилось. Раздался долгожданный щелчок — и дверца одиночной камеры отворилась с протяжным скрипом, будто бы исполняя хвалебную песнь герою за его заслуги.

Киммер вытер рукавом выступивший на лбу пот и запахнул камзол как можно плотнее.

Принц, несмотря на жар тела, почувствовал обжигающий холод, который просачивался в темницу через малюсенькое окошко и стремился захватить все пространство, куда только мог дотянуться.

Какая же на воле погода, если расставленные по углам корзины с углем не помогают согреть темницу?

Поразмыслив, Киммер укутался еще и одеялом, оставленным здесь как раз для того, чтобы пленник не околел.

На этом подготовка к побегу была торжественно закончена.

В полном боевом облачении принц легонько толкнул дверь, которая неспешно отворилась. Киммер был в недоумении. Он слышал, что колдуны да чародеи презирают тех, кто лишен упоительной возможности выделиться среди «непосвященных», но чтобы настолько не уважать последних и не закрывать на замки двери? Такого он уж точно не ожидал.

Индикатор магии не желал возвращать себе привычный серый свет, разгораясь все сильнее и становясь подобием факела, и при этом выдавая принца с потрохами и делая его уязвимым перед ночными хищниками и обитателями сей странной земли.

У Киммера голова шла кругом от мыслей, связанных с особенностями места, в котором он оказался.

Сколько же заклинаний, гасящих магию, здесь наплетено? И откуда берется энергия? Где ее источник?

У принца напрочь отсутствовали способности к чародейству. Так уж решила природа, отказав в подобном сначала его родителям, а позже и ему самому. Однако Трогд Свирепый справедливо считал, что его наследник должен разбираться во всем, что может угрожать его долгой и счастливой жизни, поэтому Киммер изучал основы магии под неустанным руководством Бирха.

Несмотря на лютую нелюбовь к порядку и дисциплине, маг прекрасно знал дающее сытую жизнь и теплую крышу над головой колдовское ремесло и вполне сносно умел его объяснять. Поэтому благодаря Бирху принц хорошо был подкован в теории и теперь искренне недоумевал, что может питать такую адскую конструкцию замка.

Именно замка. Его нельзя было спутать с каким-либо другим известным Киммеру сооружением.

Принц сумел рассмотреть и площадь, в центре которой находился колодец, и высокие башни, устремившие прямо в небо свои острые шпили, и могучие крепкие стены, способные выдержать длительную осаду.

Не забыл Киммер и про ворота, надежно запертые изнутри на множество замков по всей их высоте. Интересно, а закрыты ли они еще и снаружи?

Подобная предусмотрительность наводила на нехорошие мысли: каким образом обитатели замка покидают его? Есть ли потайной ход, ведущий за стены древнего строения? Или проводником служит тот страшный дракон, похитивший его?

Вспомнив пугающий образ летающего чудовища, Киммер потрянул головой, словно отгоняя назойливую муху, и с чувством поморщился.

Будто наяву перед ним предстала ужасная морда существа, оценивающий взгляд которого презрительно твердил: и что

ты можешь, принц? Ну вот что ты можешь?! Удиви меня, смертный!

И Киммер удивил. И его, и себя.

Тогда в зрачках дракона он прочитал недоумение. Монстр явно не понимал, как такого страшного зверя можно трогать голыми руками и не бояться последствий. Киммер и сам не понял как.

В те секунды никакого страха не было, он пришел сейчас, с осознанием того, что могло произойти, если бы монстр рассердился.

Киммер представил, как легко дракон разрывает его тело, или сжигает дотла, или поднимает в воздух и сбрасывает с большой высоты, или...

Слишком много «или». Они сбивают с цели, заводят в лабиринты неслучившегося и отвлекают внимание от главной проблемы: как выбраться из замка, из которого нет выхода?

Принц не знал, но очень хотел найти правильный ответ, поскольку в решении этого вопроса он был заинтересован как никто другой.

Первым незнакомца почуял Шрам. Он низко зарычал, подпрыгивая к двери и оцетиниваясь колючими иглами, как та рыба, которую Кайла как-то раз принесла с морского побережья. Тихоня, собрат Шрама, не последовал его примеру и приблизился вплотную к девочке, готовясь закрыть ее своим телом.

Милика испуганно распахнула голубые глаза и вцепилась в шерсть Тихони маленькой пухлой ладошкой, не забыв при этом прижать к груди плюшевого медвежонка, старого и потрепанного, но такого дорогого и любимого.

Она уставилась в одну точку, а ее губы беззвучно шевелились, словно девочка читала молитву. Периодически она запиналась и вздрагивала от рычания берийского пса.

В отличие от Шрама Тихоня молчал, только торчащие уши и напряженная стойка выдавали в нем решимость броситься на того, кто сейчас войдет.

Но незнакомец не шел.

И в Милике проснулось любопытство. Оно радостно потянулось, улыбнулось и повело девочку за собой, навстречу новым приключениям, в сопровождении двух берийских псов.

Покинув комнату, малышка нерешительно остановилась у самого края лестницы, ведущей в гостиную, и с открытым ртом уставилась на незнакомца, занявшего любимое кресло Кайлы.

Он терпеливо грел замерзшие руки возле камина, задумчиво всматривался в играющее пламя, изредка массируя лицо и пострадавшие кисти. Незнакомец будто бы звал тепло поближе к собственному телу, даже расстегнул для этого несколько пуговиц на своей диковинной одежде.

Такого наряда Милика раньше никогда не видела. Белый камзол с красными вставками и золотой вязью притягивал взгляд, словно булочка, оставленная Кайлой для поднятия настроения. Переливающиеся на свету темно-зеленые пуговицы добавляли в образ чарующего шарма и легкой загадочности, несмотря на потрепанное одеяло Кайлы, лежащее у незнакомца на коленях. Ее творения Милика узнала бы из тысячи.

Идиллию нарушил Шрам, которому надоело так долго молчать и походить тем самым на Тихонию.

Он вновь зарычал, отчего незнакомец покинул занятое им кресло и развернулся в сторону шума.

Теперь Милика смогла рассмотреть волевой подбородок, карие глаза и нахмуренные брови незваного гостя.

Было видно, что он перебирает варианты отступления и не может выбрать подходящий. От берийских псов сбежать не так просто. Особенно живым!

Незнакомец что-то сказал. Потом еще раз. И еще.

Непонятные слова сыпались из него, как подарки Кайлы из большого мешка, пока Милика не расслышала язык, который, казалось, она позабыла навсегда.

— Я не причиню тебе зла, милая девочка, не стоит спускаться этих псов на меня...

— Хор-р-ро-шо! — с трудом выдавила из себя Милика, еле сдерживая предательски выступившие слезы.

Шрам неодобрительно покосился на растроганную малышку, а Тихоня и ухом не повел. В отличие от брата он не стремился вогнать зубы в заглянувших на огонек незнакомцев. Он их берег.

Мясо оказалось великолепным. Оно не было только что снято с огня и не пахло терпкими специями, но не потеряло при этом свой вкус, и Киммер испытал приятные ощущения от трапезы и упоительной сытости, наступившей после.

Наследник Элирии и сам толком не понял, когда успел проголодаться. Совсем недавно он стоял перед светловолосой девочкой, теребя в руках прихваченное из темницы покрывало, а теперь спокойно ел жаркое за домашним столом, рассказывая сердобольному ребенку о себе, последних новостях и мире. На радойском.

На сложном языке, который можно обуздать, лишь изучая его с пеленок под убаюкивающие песни няnek. В этом был уверен Бирх, ставший, по сути, единственным учителем всех наук, коих Киммеру пришлось изучить немало. В том числе и этот язык. В возрасте, когда мальчик возвращается с войны мужчиной, уверенным в том, что больше ничего нового он не узнает. И это невежественное упрямство растет и множится, пока не наталкивается на извечный камень преткновения.

На спор.

Все обучение Бирх построил на нем. Он прекрасно видел, как Киммер не желает проникаться важностью учебного процесса, потому и прибегнул к единственно верному средству.

И оно сработало!

Охваченный азартом принц скрупулезно разбирался в преподаваемом Бирхом материале, разгадывал логические задачки и перечитывал объемную библиотеку Трогда Свирепого по несколько раз, пока не достигал понимания того, что видел и слышал на занятиях.